

С.Б. Крих

ПОТЕРЯННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: МИНОЙСКИЙ КРИТ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МД-223.2017.6.

Рассматривается крито-микенская цивилизация в советской исторической науке. Основное внимание уделено анализу дискуссии 1940 г., а особенно ее последствий для дальнейших исследований минойской культуры в советской историографии. Автор указывает, что наиболее активным исследователем Крита в довоенный период был Б.Л. Богаевский, предложивший концепцию позднеродового общества в минойский период. Поражение Богаевского привело к падению интереса к данной эпохе.

Ключевые слова: советская историография; крито-микенская цивилизация; научные дискуссии.

Дискуссию о крито-микенском обществе нельзя назвать неисследованной темой в историографии советской науки о древности. Не останавливаясь на тех случаях, когда дискуссия упоминалась более или менее поверхностно, следует сказать, что впервые она была подробно описана еще в 1960-х гг. К.П. Коржевой – в объемной статье, посвященной крито-микенской цивилизации в советской историографии [1], краткая версия которой появилась и в европейском сборнике [2]. Спустя полвека С.Г. Карпюк, справедливо обратил внимание на то, что в обобщающем труде по советской историографии древности данной дискуссии не уделено никакого внимания [3], и предложил ее анализ с современных научных позиций [4].

Проведенная ранее работа одновременно избавляет нас от необходимости подробно излагать ход дискуссии и требует объяснить, в чем состоит наше намерение при новом обращении к теме. Во-первых, несмотря на качество обоих обзоров (хотя Коржева, претендуя на полноту изложения материала, и упустила несколько ключевых работ), нам кажется, что ряд ценных для адекватного описания дискуссии фактов не был обозначен, и их актуализация позволит как минимум дополнить сложившуюся картину. Во-вторых, в конце исследования мы предполагаем дать новую перспективу для оценки результатов и последствий дискуссии, что, надеемся, будет способствовать лучшему пониманию особенностей развития нашей исторической науки в советский период.

Изложим кратко предысторию и ход дискуссии. Начать следует с того, что дореволюционная российская наука сравнительно активно включилась в процесс популяризации и начального изучения критских находок, поскольку настоящее открытие минойского Крита стало возможным только с самого конца XIX в. и в начале XX в., когда остров сначала обрел фактическую независимость от Османской империи, а после вошел в состав Греции. Основной упор в этих работах (не считая обзоров раскопок) делался на анализ материальной культуры, выяснение истоков и взаимодействия крито-микенской культуры, а также вопросы реконструкции религии.

Учитывая вышесказанное, легко заметить, что работы, вышедшие в первое десятилетие советской власти, продолжали ту же тенденцию, что и на предыдущем этапе, используя те же метод, стиль и часто даже типографский шрифт. Это еще раз доказывает оче-

видное для специалистов наблюдение: марксизация науки в этот период была явно недостаточной для того, чтобы говорить о нем как о советском в полном смысле слова.

Этот момент, однако, не был четко осознан в самой советской историографии, именно поэтому Коржева воспринимает работы В.П. Бузескула [5] и А.А. Захарова [6] как советские труды и предъявляет к ним требования марксистской терминологии, что в сущности парадоксально. Так, не видя в трудах указанных авторов прямых определений формационной принадлежности крито-микенского общества, она находит косвенные высказывания, которые помогают ей интерпретировать Бузескула и Захарова как сторонников феодализма [2. С. 131].

Между тем, Бузескул говорит лишь то, что «тогдашние цари были могущественными владельцами, что в их распоряжении были силы подвластного им населения, масса рабочих рук, вероятно, рабов, огромные материальные средства. Царей окружает придворная знать, аристократическое общество» [5. С. 70]. Захаров также полагает бесспорным существование на Крите сильной центральной власти, а для позднemiнойской эпохи отмечает, что на материке «возник целый ряд замков, если можно так выразиться, средневековых феодальных владельцев» [6. С. 126–127] – чисто техническое использование термина «феодальный», подразумевающее здесь состояние раздробленности.

Очевидно, что если такой аккуратный в изложении и внимательный к деталям автор, как Бузескул, не пишет ничего определенного о характере минойской государственности, то это означает, что он не видит возможности выносить о ней какое-либо суждение; он и Захаров равно избегают этого вопроса по причине недостаточности сведений, и приписывать им некие более широкие взгляды просто некорректно.

Это вполне точно характеризует раннюю советскую историографию: в ней существовала «старая» наука, представители которой по большей части старались как-то ужиться в новых условиях, не особенно меняясь, и постепенно, очень сумбурно формировались новые, большевистские научные кадры.

Однако поведение представителей «старой» науки могло быть и другим – и это как раз случай Б.Л. Богаевского (1882–1942), который выбрал путь активного сотрудничества с новой властью. Конечно, это совсем

не означает, что его ранние работы следует определять как марксистские: в книге о крито-микенской культуре 1924 г. идёт речь об «Истории, которая внимательно наблюдает за развитием народов и неукоснительно направляет в новое русло жизнеспособные силы прошлого» [7. С. 246]. Вряд ли уместно полагать, что Богаевский в это время считал Крит феодальным обществом, но попытки добавить к своему восходящему к Ф.Ф. Зелинскому типу воззрения на историю некоторый материалистический компонент здесь, пожалуй, заметны: «Кносский дворец представлял собою ко второй эпохе среднеминойского периода весьма крупную постройку, бывшую, благодаря нахождению “тронного зала”, местопребыванием верховной жрицы и владыки острова и подчиненных ему заморских колоний» [Там же. С. 186–187].

Важную роль во вхождении Богаевского (как и целой когорты «старых» ученых) в марксистскую историографию сыграло становление и развитие так называемого марризма, или яфетидологии, «нового учения о языке», основной движущей и единственной развивающей силой которого был его основатель академик Н.Я. Марр. Активно и открыто сотрудничая с советской властью, Марр к концу 1920-х гг., во многом благодаря помощи и указаниям своих учеников (и теоретическим стараниям примкнувшего к ним С.И. Ковалёва), приходит к выводу, что яфетидология по сути своей – марксистская теория. С точки зрения истории идей это было еще то относительно вегетарианское время, когда «старая» наука могла слиться с «новой» не то чтобы на своих условиях, но хотя бы не теряя видимого достоинства – правда, для этого нужно было принять спорную и странным образом радикализующую теорию. Именно этот своевременный оммаж, который принесла яфетидология марксизму, на наш взгляд, уберег ее от разгромной критики в 1930-е гг. и позволил в статусе официально признанной теории дотянуть до знаменитой дискуссии о языкознании 1950 г.

Богаевский становится одним из преданных и последовательных сторонников Марра, причем в его работах марристские идеи часто используются действительно как основополагающие, а не только в качестве формальных цитат, как поступал первоначально Богаевский с работами Маркса, Энгельса и Ленина. Поэтому неудивительно, что с той же энергией он приступил в начале 1930-х гг. и к освоению марксизма – в это время он примыкает уже не только к Марру, но и к видному партийному теоретику Н.И. Бухарину. «Освоение марксизма» здесь следует понимать не только как ознакомление с трудами марксистских теоретиков, но и как участие в конструировании нового образа истории – единообразно соответствующего теоретическим установкам в том виде, в каком их начинают вырабатывать партийные теоретики. Эти теоретики, начиная от такого влиятельного, как Бухарин, через фактического преемника Марра академика И.И. Мещанинова и до подвизавшихся в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) А.Б. Пригожина, М.М. Цвибака и С.Н. Быковского, внесли решающий вклад в становление собственно советского видения истории, которое в итоге

было подтверждено Сталиным в виде официально закреплённой версии истории партии (1938), – в том же, что подавляющее большинство творцов этой версии были арестованы и уничтожены, нужно видеть не парадокс и не иронию истории, а стандартную внутреннюю логику тоталитарного общества. Так или иначе, именно в начале 1930-х гг. и возникла советская историография: теория истории была монополизирована партией, причем сделано это было не только с точки зрения насилия (фактически запрещены все идейные конкуренты), но и со стороны убеждения – исторические факты были увязаны с упорядоченной (а для того дополнительно упрощенной) схемой исторического процесса.

Время становления такого рода монопольной теории открывало особенные перспективы (хотя одновременно и некоторые риски) перед теми, кто был готов внести свой вклад в создание сияющего монолита советского видения истории, и Богаевский постарался использовать свои возможности по максимуму – он предлагает новую, истинно марксистскую трактовку крито-микенского общества. Согласно его версии мы имеем дело с позднеродовым строем, в котором поэтапно вызревают черты раннего государства. В статье «Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах» (1933) он выступает уже как освоивший марксистский нарратив исследователь: дает подробный анализ заблуждений буржуазных историков (в распространенной в советской критике манере сводя практически все работы к одному базовому заблуждению¹), критикует ошибки советских авторов и предлагает свой, защищенный ссылками на «классиков» (прежде всего, на Энгельса) рассказ о том, что было «на самом деле» с точки зрения истории способа производства. То, что буржуазные исследователи определили как дворцы, было родовыми поселками [8. С. 699], то, что определялось как небольшие государства, – союзами племен, правителями которых были вожди-военачальники, постепенно оттеснявшие от власти жриц [Там же. С. 702]. Недостаточные экономические ресурсы Крита не дали возможности для быстрого перехода к государству, и эстафету развития позднеродовых отношений подхватила материковая Греция – микенская культура [Там же. С. 709], которая уже очень близко подошла к формированию классового общества [Там же. С. 715–716], ведь «меньшинство начинало чувствовать себя классом, в то время как масса, уже становившаяся тоже классом, ещё этого нового своего общественного состояния отчётливо не сознавала» [Там же. С. 725]. Из специфического багажа 1930-х гг. в данной концепции было то, что Богаевский, следуя марристскому скепсису в отношении миграций, отрицал дорийское завоевание (по крайней мере, в сколько-нибудь исторически значимом масштабе) и полагал, что гомеровское общество было не шагом назад по сравнению с крито-микенским, а его дальнейшим развитием в качестве позднеродового.

Продвигая свои идеи, Богаевский развернул активную деятельность – на 1930-е гг. приходится пик его публикаций и попытка в 1938–1939 гг. стать членом-корреспондентом АН СССР. Однако позиции его

были достаточно шаткими – во время «чисток» исчезает Бухарин и ряд других людей, с которыми сотрудничал Богаевский. Таким образом, мощного административного ресурса, на который он мог бы опираться в расширении своего научного влияния, у него не оказалось, а в научном плане концепция выглядела не слишком привлекательно, так что до конца десятилетия у нее фактически не появилось сильных и последовательных союзников. Играло роль и отрицательное отношение к Богаевскому в научных кругах, связанное с его доносами на учёных и лекторов². Резкую критику вызвали его работы по первобытной культуре, тем более что отсутствие практики полевой археологии было вполне объективным недостатком их автора [10].

Первая решительная попытка легитимировать свою концепцию была предпринята Богаевским при участии в проекте по изданию всемирной истории, начатом ГАИМК; для томов по истории Древней Греции им была написана и большая глава по крито-микенскому обществу [11. С. 50–110]. Однако сама ГАИМК уже доживала последние дни в качестве самостоятельной институции, ослабленная чистками руководящего состава и под шквалом критики научных работников в том, что они поддались влиянию «врагов народа» [12]. Проект по созданию всемирной истории под эгидой ГАИМК был признан неудачным, и вскоре началась работа по созданию многотомника, выпускаемого АН СССР.

Богаевскому удалось, опираясь, видимо, на поддержку не всесильного, но обладавшего очень надежными позициями академика В.В. Струве, подать свою главу и в рукопись планируемого III тома «Всемирной истории». Однако в этот раз возражения против такой трактовки ранней истории Греции появились еще на ранней стадии, договор с Богаевским был расторгнут [13. Л. 27–27 об., 36–36 об.]. Написание главы поручили московскому историку В.С. Сергееву (1883–1941), и теперь уже Богаевский выступил против нового варианта. Для разрешения ситуации было решено провести специальное заседание Отделения истории и философии АН СССР с обсуждением нового варианта главы, которое было назначено на 27–28 марта 1940 г. [14. Л. 8–9]. Обсуждение проходило в Москве, куда приехали Богаевский и поддержавшие его академик А.И. Тюменев и ученик Богаевского А.Н. Дальский. Остается непонятной позиция ленинградца С.И. Ковалёва: судя по протоколу [Там же. Л. 18], он присутствовал на первом заседании, но сведений о его выступлении не сохранилось – видимо, он предпочел молчать. Из Ленинграда также был вызван Д.П. Каллистов, но он не был в числе союзников Богаевского. «Особенность развернувшейся дискуссии заключалась в том, что предметом обсуждения была не столько глава из работы проф. Сергеева, сколько гипотеза проф. Богаевского о доклассовом обществе на Крите» [15. С. 137]. В результате обсуждения позиции сторонников концепции первобытного строя были полностью отвергнуты собравшимися, а глава Сергеева признана наилучшим образом подходящей для планируемого издания [16].

Собственно, этим событием и заканчивается целый этап исследований. Концепция Богаевского была

отнесена к ранним заблуждениям советской историографии, преодоленным в пору ее взросления; сам автор умрет в блокадном Ленинграде, ещё до войны скоростно скончается Сергеев, а проект академической «Всемирной истории» будет возрождён уже в послевоенное время с другим составом авторов. Тексты глав Богаевского и Сергеева до сих пор не обнаружены, и вполне возможно, что они не сохранились, хотя в данном конкретном случае велика вероятность того, что они мало отличались от других очерков, написанных ими на ту же тему: в случае с Богаевским можно утверждать с высокой степенью уверенности, что он подал в качестве рукописи более или менее переработанную главу, напечатанную в томе ГАИМКовской истории Греции; в случае с В.С. Сергеевым, скорее всего, можно предположить, что его рукопись была очень похожа на вариацию главы в его же учебнике по истории Греции или очерка, опубликованного им незадолго до дискуссии в одном из журналов [17, 18]. После войны исследования крито-микенского общества были уже связаны по большей части с материалом, который предоставляли вскоре дешифрованные таблички с письмом Б, т.е. очевидным образом начала преобладать микенология. Принципиального расцвета эта отрасль знания не пережила, тем не менее, благодаря работам С.Я. Лурье и Я.А. Ленцмана [19, 20], легитимировала себя в советской науке и смогла сохранить традицию изучения микенского общества и в постсоветский период.

Теперь уместно высказать некоторые комментарии, которые позволят указать на ряд важных деталей, по тем или иным причинам не обозначенных в предшествующих исследованиях. Прежде всего, в настоящее время мы имеем пересказ дискуссии только с одной точки зрения – с позиции победителей. Написавшая два близких по содержанию обзора дискуссии Т.М. Шепунова (секретарь кафедры истории древнего мира МГУ, которую возглавлял Сергеев), несомненно, адекватно передала ход событий и общее содержание выступлений, но негативное отношение к «партии» Богаевского в ее описании хорошо заметно [15, 16]. Это заставляет предполагать, что некоторые аспекты хода обсуждения могли быть упущены. Далее мы попробуем использовать в нашем обобщении некоторые частности, которые Шепунова, к счастью, все-таки сохранила.

Другой наш комментарий более весом, и он вновь касается тех aberrаций, которые поджидают историографа на его пути к обобщению материала. Использование термина «крито-минойская культура» вполне адекватно позволяет описать примерно первые полвека отечественной историографии данного вопроса, когда давались общие обзоры новых находок или исследований по древнейшей Эгеиде и делались попытки их целостного изучения. Но в послевоенный период, с наступлением эры специализации, ситуация меняется в корне. Минойский Крит становится неинтересен советским историкам, ему не посвящено практически ни одного самостоятельного исследования, в отличие от микенской Греции. Конечно, в общих работах ранняя история Крита также рассматривалась, как в книге Н.А. Сидоровой об искусстве эгейского

мира [21], но это была именно часть другой, более обширной темы; симптоматично, что книги для чтения по древнегреческой истории, ориентированные на школьников, как и пособия для учителей, сразу начинались с микенского периода [22, 23].

Если продолжать говорить об исследованиях крито-микенского общества как о некоей целостности (как это делает Коржева), то падение интереса к Криту останется незамеченным – а это, по нашему мнению, интересная историографическая проблема, потому что в первой половине XX в. в паре Крит – Микены главным объектом интереса предстал именно Крит. Конечно, это не означает, что советский историк науки допускал такое искажение нарочно, но ведь ориентация на изображение прогресса в историографии подталкивала к тому, чтобы рассматривать изучение минойского и микенского периодов совместно, при таком подходе можно было говорить о развитии советской науки в этом вопросе и о том, что внимание историков сместилось от «Крита» к «Микенам» по причине дешифровки линейного письма Б. Проблема лишь в том, что микенологами стали совсем не те ученые, которых ранее интересовал Крит³.

Так или иначе, раз мы сейчас уже в состоянии увидеть проблему упадка советских исследований минойского периода, от нас требуется и дать этому объяснение. Очевидно, что дискуссия 1940 г. оказалась поворотной точкой и следует понять, что же именно произошло в этот момент с точки зрения истории развития науки.

Довоенные дискуссии представляют большой материал для того, чтобы применить сравнительный анализ. Интересно, что с точки зрения как минимум начальных стадий дискуссия о крито-микенской цивилизации может предстать типологически сходной с дискуссией о шумерском обществе, разгоревшейся между В.В. Струве и Н.М. Никольским начиная с 1933 г. (точка в ней поставлена фактически не была). В этой дискуссии «старый» марксист Никольский (он придерживался материалистических взглядов еще с конца XIX в., взаимодействовал с большевиками в годы Первой русской революции), оценивавший древневосточные общества как феодальные, с возмущением выступил против новой, для него очевидно неверной, рабовладельческой концепции. В ранних работах Никольского заметна уверенность в том, что концепция Струве развалится от одного толчка [24, 25]. А далее произошло неожиданное: надо полагать, к изумлению Никольского, у него почти не оказалось сторонников, и новая точка зрения, при частных к ней претензиях, стала разделяться большинством историков, вошла в учебники и обобщающие труды, хотя при этом ее обоснование изначально строилось на небольшой и неоднозначно трактуемой источниковой базе.

Некоторые детали, действительно, совпадают: прежде всего, уверенность Богаевского, видимо, была велика – он ведь поехал на обсуждение в Москву с небольшой поддержкой (надо думать, что кроме А.И. Тюменева, он обращался за помощью и к другому академику В.В. Струве, но тот на обсуждение не приехал), т.е. туда, где его противники заведомо преобладали, а значит, рассчитывал на собственные си-

лы. Косвенно об этой уверенности свидетельствует и выбранная тактика нападения: Богаевский привез большое количество фотографий критских памятников, которые должны были убедить собравшихся в том, насколько очевидно неправ Сергеев [16. С. 206]⁴. Шепунова приводит еще одну интересную деталь: выступавший в защиту позиции Богаевского Тюменев продолжил настаивать на том, что кносский дворец – сравнительно небольшая постройка, и заметил, что «знаменитые критские деревянные колонны – не колонны, а просто брёвна, подпорки, стоящие конусом книзу; такие “колонны могут быть в каждом колхозном дворе”» [Там же. С. 207]. Даже если это сравнение – импровизация, оно все равно отличается неаккуратностью⁵, эмоциональностью и самоуверенностью.

Однако отличия между сопоставляемыми нами дискуссиями, пожалуй, намного существеннее совпадений. Во-первых, Богаевский – не «старый» марксист, в отличие от Никольского, и его траектория прихода к марксизму гораздо ближе к пути в советскую науку у Струве: тесное сотрудничество с Марром [28], активное освоение марксизма в конце 1920-х гг., участие в создании новой концепции истории конкретных обществ, увязанных с единой схемой исторического процесса в начале 1930-х гг. Даже пафос выдвижения их концепций похож: Струве отрицает феодализм или азиатский способ производства в пользу рабовладения, Богаевский отрицает феодализм (и рабовладение) в пользу первобытного коммунизма. Расходятся результаты: концепция Струве победила, а концепция Богаевского – нет, здесь как раз удержалась более консервативная, более близкая к «буржуазной» науке того времени трактовка, и это убедительно показывает нам, что каких-то надежных рецептов преуспевания в советской исторической науке 1930-х гг. не существовало⁶.

Второе отличие, о котором следует сказать, прежде чем перейти к итоговым выводам, заключается в том, что Богаевский был гораздо большим знатоком крито-микенских штудий, чем Сергеев, не написавший по Криту и Микенам ни одной научной работы (ср.: [4. С. 200]). В качестве примера достаточно указать на тот факт, что Богаевский отлично знал – фреска «царя-жреца» является результатом достаточно спорной реконструкции, в которой значительная часть деталей была попросту домыслена сотрудничавшим с Эвансом художником Э. Жильероном (1850–1924) [8. С. 681], знал он и об изменении позиции Эванса по этому вопросу [16. С. 206], в то время как Сергеев, судя по его описанию указанной фрески, принимал реконструированные детали за оригинальное изображение [18. С. 84]. Богаевский еще до революции посещал Крит, прожил на нем несколько месяцев, много лет работал над вопросами сопоставления критских находок с находками в других ранних культурах [29], и этим можно объяснить его готовность принять бой в неравных условиях. Поэтому его победили меньшие профессионалы в конкретной теме, чем был он сам, и победили, как свидетельствует обзор дебатов, опираясь не на тщательное изучение крито-микенского общества, а на логические рассуждения и сравнение этого общества с другими.

Переходя непосредственно к итогам нашего анализа, мы опять вынуждены указать, что на историков науки традиционно сильно воздействует то, насколько разбираемая ими концепция или теория соответствуют современному уровню знаний, и это легко объяснимо – мы естественным образом больше сочувствуем тем идеям, которые считаются нами правильными. Однако поиск «более правильной» концепции скрывает за собой достаточно старую (и прямолинейную) науковедческую парадигму понимания истории науки как истории приращения знания, в то время как сейчас мы в состоянии ставить и пробовать решать куда более тонкие вопросы, связанные с выяснением скрытых механизмов развития науки и проблемой альтернативности путей ее развития.

Исходя из этого, мы можем заявить, что в современной оценке истории науки важно не только, а иногда не столько достижение тех же представлений, которые сейчас разделяем мы, а то, как именно это достижение произошло (и почему не были реализованы другие варианты). С.Г. Карпюк, комментируя дискуссию 1940 г., отмечает, что она была выражением важного достижения предвоенного десятилетия: исследователь безоговорочно разделял общую теорию и получал возможность более или менее спокойно работать с историческими фактами, поскольку известное возвращение позитивизма было частью сталинского проекта возвращения истории конкретного содержания. Он также отмечает, что в результате дискуссии взгляды Богаевского были не полностью заклеены, но переведены в сферу научного спора для профессионалов – за Богаевским было признано право выступать со своей точкой зрения в специальных изданиях (в «Вестнике древней истории»), и это как раз свидетельствует о предвоенной нормализации советской науки с её ограниченной свободой [4. С. 201–202]. У нас нет никаких сомнений, что этот вывод справедлив, но он недостаточен, если говорить о роли дискуссии 1940 г. не только в контексте предшествующих, но и последующих событий, и поэтому нуждается в дополнении.

Во-первых, как мы могли убедиться, победа «фактов» над «схемой» может быть признана только с существенными оговорками. Значительная часть аргументации Сергеева и его сторонников была построена не на фактах как таковых, а на логике, которая, в свою очередь, исходила из безусловной правильности недавнего «открытия» советской науки – представления о том, что древнейшие государства могли быть только рабовладельческими. Если изъять этот тезис из системы аргументации Сергеева, то она становится критически шаткой. Таким образом, перед нами специфический момент: научное сообщество восприняло и истолковало эту дискуссию как очередное свидетельство «нормализации» науки, усиления в ней роли фактов и верификации, но это было в большей мере психологическое впечатление, чем реальность.

Во-вторых, обращаясь к вопросу о дальнейших последствиях, важно обратить внимание на то, что и мы, оценивая эту дискуссию из современности, рискуем оказаться примерно в той же ловушке. Богаевский выступает довольно малосимпатичной фигурой,

проигрыш которой вызывает естественные позитивные эмоции, а его манипуляции с бесконечной критической первобытностью слишком уязвимы даже для непрофессиональной критики, чтобы можно было их достойно защищать. Но при этом в его позиции присутствовал один очень важный аспект, который в дальнейшем был утерян: Богаевский (не будем сейчас концентрироваться на его крайне несовершенной терминологии), по сути дела, нащупал важную проблему – рождение государства осуществлялось через большое количество переходных, часто аморфных форм, и этот процесс перехода требует выделения отдельного периода со специальным дроблением на этапы (это и есть позднеродовое общество Богаевского, которое все усложняется, но никак не может стать государством).

Тогда эта точка зрения была настолько нова (и не только для советской науки), что ее познавательный потенциал даже не был оценен. Уже в послевоенное время как мире, так и в Советском Союзе начинает расти понимание того, что переход к государственным формам общественной жизни был сложным, длительным, многонаправленным процессом, а бинарная оппозиция первобытность – государство представляла слишком грубым инструментом анализа.

С этой точки зрения у концепции Богаевского, будь она соответствующим образом доработана (скорее всего, в виде признания за развитым минойским обществом раннегосударственных форм), появлялся шанс на продолжение дискуссии. Но дискуссия не продолжилась – Богаевский умер, итоги московского заседания были восприняты в трактовке победителей, тема была закрыта и тем самым «обессточена». Как уже было сказано, критские исследования в советской науке останавливаются, деградируют. Можно было бы сказать, что такой путь развития был до известной степени случайным, но случайностью как раз нужно считать то, что быстро исчезла проигравшая точка зрения, а все остальное проявляет вполне закономерное развитие советской науки периода ее «нормализации».

Здесь проявляется в полной силе тот феномен науки сталинского времени, который можно наблюдать и на других примерах, но не в столь крайней форме, – это стремление *финализировать* знание, исчерпать все принципиальные проблемы по данной теме. К этому стремился Струве, когда рисовал образ рабовладения на Ближнем Востоке, к этому стремился А.Б. Ранович, когда определял эллинизм как этап развития рабовладельческой формации. Ни в одном из указанных случаев полностью финализировать темы исследования не удалось – с теорией Струве сначала яростно сражался Н.М. Никольский, а после войны она вызвала критику А.И. Тюменева и И.М. Дьяконова. С трактовкой эллинизма по Рановичу не согласился К.К. Зельин, который смог поставить ее под сомнение уже в начале 1950-х гг. [3]. В обоих случаях это сделало советскую науку более гибкой. А вот другую точку зрения на минойскую цивилизацию после войны было некому отстаивать. В итоге это привело к тому, что тема выглядела исчерпанной, неинтересной для исследователя, т.е. – периферийной. Достижение конечной истины (если оно удавалось) убивало науч-

ный интерес. Это приводит нас к парадоксальному наблюдению, что полная реализация идеальной программы советской исторической науки была бы смертельной для нее самой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае это заблуждение определено как «метод непосредственных впечатлений» [8. С. 681 сл.], и это достаточно интересный концепт, потому что суть его сводится к тому, что, по мнению Богаевского, буржуазные исследователи слишком доверяют тому, что видят в самом археологическом источнике, опираясь на свое первое впечатление, которое мало того, что может быть ошибочным, но ещё и несёт в себе в имманентном виде стереотипы самого исследователя. То есть этот призыв не верить глазам своим, по сути, воспроизводит ту критику позитивизма, которая уже к тому времени утверждалась в мировой исторической науке, отличается лишь лекарством, предлагаемое Богаевским, – использовать правильную всеохватную теорию.

² Память об этой деятельности надежно сохранилась в устной форме, но мы обнаружили и более весомое свидетельство: в своей автобиографии о доносах сообщает лично Богаевский; это было как раз в те годы, когда такими поступками ещё гордились [9. Л. 27].

³ Коржева совершает довольно неуклюжую попытку увязать дискуссию 1940 г. с дальнейшим поворотом исследований именно в эволюционном плане: «В ходе дискуссии выявилась необходимость знания крито-микенской письменности, одной из древнейших письменностей Средиземноморья» [2. С. 133]. Дело не только в том, что для исследователя сам факт наличия непрочитанной письменности является достаточным стимулом к работе над ней (вне зависимости от наличия или отсутствия дискуссий), и не в том, что дискуссия в СССР не оказала (и не могла оказать) никакого влияния на работу исследователей в других странах (дешифровка письма Б. была осуществлена не советскими учеными), но и в том, что в ходе самой дискуссии вопрос знания письменности не поднимался. Иными словами, Коржева хочет сказать что-то вроде того, что дискуссия объективно выявила и так известную проблему дешифровки письма А и Б, т.е. занимается пустословием. Эта фраза свидетельствует, что она почувствовала проблему с написанием прямолинейной истории эволюции знаний, но предпочла ее обойти.

⁴ Иными словами, Богаевский использовал ранее проклятый им буржуазный «метод непосредственных впечатлений» (см. прим. 1).

⁵ Судя по сохранившимся базам для колонн, их нижний диаметр должен был составлять порядка 58 см или несколько больше [26. Р. 212; 389, n. 1; 441, n. 3]. Наверное, в 1940 г. были колхозные дворы, на которых могли стоять подобные подпорки, но ведь и толщина колонн храма Гефестииона в Афинах примерно такая. Некоторые колонны в Фесте могли иметь нижний диаметр в 1,45 м [Ibid. Р. 213, n. 1], что уже приближается к диаметру колонн Парфенона (1,905 м) [27. С. 58. Прим. 14].

⁶ Вопрос, почему концепции Богаевского была уготована столь незавидная участь, интересен, но увел бы нас сейчас слишком далеко от основной темы статьи, поэтому мы намереваемся рассмотреть его в отдельной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коржева К.П. Крито-микенское общество в советской историографии // Ученые труды. Сер. Историческая. Некоторые вопросы всеобщей истории. Алма-Ата, 1967. С. 298–339.
2. Коржева К.П. Крито-микенское общество в советской историографии // *Studia Mycenaea: proceedings of the Mycenaean symposium*. Brno, 1966. Р. 131–141.
3. Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013.
4. Карпюк С.Г. А после была война: дискуссия 1940 года о характере крито-микенской цивилизации // *Вестник древней истории*. 2015. № 2. С. 195–205.
5. Бузескул В.П. Древнейшая цивилизация в Европе (эгейская или крито-микенская культура). Харьков, 1918.
6. Захаров А.А. Эгейский мир в свете новейших исследований. Пг., 1924.
7. Богаевский Б.Л. Крит и Микены (эгейская культура). М. ; Л., 1924.
8. Богаевский Б.Л. Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах // Памяти Карла Маркса : сб. статей к пятидесятилетию со дня смерти. 1883–1933. Л., 1933. С. 676–730.
9. Автобиография Б.Л. Богаевского // АРАН. Ф. 411. Оп. 13. Д. 36. Л. 25–28.
10. Пассек Т.М. О дилетантизме в науке. Б.Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937 // *Вестник древней истории*. 1938. № 1. С. 129–131.
11. История древнего мира. Т. 2 : История древней Греции. М., 1937. Ч. I.
12. О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий // *Советская археология*. М. ; Л., 1937. № 3. С. V–X.
13. Копии трудовых договоров по «Всемирной истории» // СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1571.
14. Протоколы заседаний Бюро ОИФ // АРАН. Ф. 457. Оп. 1а–1940. Д. 6.
15. Шепунова Т. В Академии наук СССР. Обсуждение главы «Эгейский мир» для III тома «Всемирной истории» // *Исторический журнал*. 1940. № 7. С. 135–139.
16. Шепунова Т. Дискуссия об эгейской культуре (Обсуждение главы для III тома «Всемирной истории») // *Вестник древней истории*. 1940. № 2. С. 204–218.
17. Сергеев В.С. История древней Греции. М., 1939.
18. Сергеев В. Эгейский мир // *Исторический журнал*. 1939. № 6. С. 79–91.
19. Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М. ; Л., 1957.
20. Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
21. Сидорова Н.А. Искусство эгейского мира. М., 1972.
22. Древняя Греция. Книга для чтения / под ред. Д.П. Каллистова и С.Л. Утенко. 3-е изд., доп. М., 1963.
23. Колобова К.М., Глускина Л.М. Очерки истории Древней Греции: Пособие для учителя. Л., 1958.
24. Никольский Н.М. К вопросу о рабстве на древнем Востоке (По поводу статьи В.В. Струве «Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура», С.Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности 1882–1932 гг. : сб. статей. Л. : Изд-во АН СССР, 1934 г.) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 207–210.
25. Никольский Н. К какой общественно-экономической формации принадлежит общество Древнего Востока // *История в средней школе*. 1934. № 2. С. 3–11.
26. Evans A. The Palace of Minos. A Comparative Account of the Successive Stages of the Early Cretan Civilization as Illustrated by the Discoveries. Vol. I : The Neolithic and Early and Middle Minoan Ages. London, 1921.
27. Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
28. Крих С.Б. В.В. Струве и марризм // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2016. № 2 (4). С. 46–72.
29. Богаевский Б.Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья. Л., 1931 (*Известия ГАИМК*. Т. 6. Вып. VIII–IX).

Статья представлена научной редакцией «История» 5 апреля 2018 г.

The Lost Civilization: Minoan Crete in Soviet Historiography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 137–144.

DOI: 10.17223/15617793/442/17

Sergey B. Krikh, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: krikh@rambler.ru

Keywords: Soviet historiography; Crete-Mycenaean civilization; scholars discussions.

The article is devoted to the study of the Cretan and Mycenaean civilization in Soviet historical science. In giving a brief outline of the study of Cretan culture at the beginning of the twentieth century, the author draws attention to the fact that works about Crete and Mycenae that appeared in the first decade after the revolution cannot be considered in the full sense as the initial phase of Soviet historiography as they continued the pre-revolutionary traditions of historical writing. The bulk of the article is devoted to the analysis of the 1940 discussion about the Crete-Mycenaean civilization in which the “new conception” of Boris Bogaevsky, a professor from Leningrad, was criticized by most of the historians. They approved a more “conservative” vision of the topic by Vladimir Sergeev, a professor from Moscow, for a chapter in the projected academic *World History* edition. Bogaevsky was an unpleasant figure even for the 1930s, the times when fierce rivalry for the top place in Soviet science was reinforced by the peak of purges for all the Soviet society. He began his career in pre-revolutionary Russia and in his early works we can see traces of an idealistic vision on the historical process. However, he wanted to get the best position in a new Soviet society, so he cooperated with the new administration of Leningrad University and was one of the organizers of the persecution of “old” professors. He became an active follower of Academician Nikolai Marr’s new linguistic theory, which in the late 1920s was declared Marxist. At the end of the 1920s, when the coexistence of the “old” and “new” science was over (by repressions of “old” academicians), Bogaevsky began to actively master the Marxist theory. The result of this was a complete change in his views on the Greek prehistory. In 1933 he declared that the Cretan and Mycenaean society was pre-state, a late stage of the tribal society. But in 1940 he lost in the discussion, and his theory was completely rejected in the successive Soviet historiography. After this, there was a significant decline in interest in the study of the Minoan Crete in Soviet studies. The study of the Mycenaean society continued, but Crete was almost completely forgotten. Bogaevsky’s conception, with its insincere and flashy Marxism, had one important advantage: it emphasized the complexity of the transition from the primitive stages to the civilization. This became an intellectual fashion in world historiography after the Second World War, but in Soviet science one of the opportunities for development in this direction (in the study of the Minoan society) was actually lost. The author comes to the conclusion that the Soviet desire to bring the vision of history to the final and only correct view was ultimately detrimental to Soviet historiography itself.

REFERENCES

1. Korzheva, K.P. (1967) Krito-mikenskoe obshchestvo v sovetskoy istoriografii. In: Zaykin, A.N. (ed.) *Uchenye trudy. Ser. Istoricheskaya. Nekotorye voprosy vseobshchey istorii* [Scientific works. History series. Some issues of universal history]. Alma-Ata: Izd-vo TsK KP Kazakhstana.
2. Korzheva, K.P. (1966) Krito-mikenskoe obshchestvo v sovetskoy istoriografii [The Crete-Mycenaean Society in Soviet Historiography]. *Studia Mycenaea: Proceedings of the Mycenaean Symposium*. Brno. pp. 131–141.
3. Krikh, S.B. (2013) *Obraz drevnosti v sovetskoy istoriografii* [The image of antiquity in Soviet historiography]. Moscow: KRASAND.
4. Karpyuk, S.G. (2015) And then There Came War: the Year 1940 Discussion on the Character of the Creto-Mycenaean Civilization. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 2. pp. 195–205. (In Russian).
5. Buzeskul, V.P. (1918) *Drevneyshaya tsivilizatsiya v Evrope (egeyskaya ili krito-mikenskaya kul'tura)* [The most ancient civilization in Europe (Aegean or Cretan-Mycenaean culture)]. Kharkov: Izd-vo “Soyuz” Khar'kovskogo soyuza kooperativov.
6. Zakharov, A.A. (1924) *Egeyskiy mir v svete novykh issledovaniy* [The Aegean world in the light of the latest research]. Petrograd: M. i S. Sabashnikov.
7. Bogaevskiy, B.L. (1924) *Krit i Mikeny (egeyskaya kul'tura)* [Crete and Mycenae (Aegean culture)]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
8. Bogaevskiy, B.L. (1933) Pervobytno-kommunisticheskiy sposob proizvodstva na Krite i v Mikenakh [The primitive communist mode of production in Crete and in Mycenae]. In: Bukharin, N.I. & Deborin, A.M. (eds) *Pamyati Karla Marksa: sb. statey k pyatidesyatiletiyu so dnya smerti. 1883–1933* [In Memory of Karl Marx: Articles on the fiftieth anniversary of his death. 1883–1933]. Leningrad: USSR AS.
9. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 411. List 13. File 36. Pages 25–28. *Avtobiografiya, B.L. Bogaevskogo* [Autobiography of B.L. Bogaevsky].
10. Passek, T.M. (1938) O diletantizme v nauke. B.L. Bogaevskiy. Orudiya proizvodstva i domashnie zhivotnye Tripol'ya. L., 1937 [On diletantism in science. Bogaevsky, B.L. (1937) Production tools and domestic animals in Tripoli. Leningrad]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 1. pp. 129–131.
11. Kovalev, S.I. (ed.) (1937) *Istoriya drevnego mira* [History of the ancient world]. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: Sotsekgiz.
12. Sovetskaya arkhеologiya. (1937) O vreditel'stve v oblasti arkhеologii i o likvidatsii ego posledstviy [On sabotage in the field of archeology and on the elimination of its consequences]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 3. pp. V–X.
13. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 133. List 1. File 1571. Kopii trudovykh dogovorov po “Vsemirnoy istorii” [Copies of employment contracts on the “World History”].
14. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 457. List 1a–1940. File 6. *Protokoly zasedaniy Byuro OIF* [Minutes of the History and Philosophy Department Bureau meetings].
15. Shepunova, T. (1940) V Akademii nauk SSSR. Obsuzhdenie glavy “Egeyskiy mir” dlya III toma “Vsemirnoy istorii” [In the Academy of Sciences of the USSR. Discussion of the chapter “The Aegean World” for the third volume of “World History”]. *Istoricheskiy zhurnal*. 7. pp. 135–139.
16. Shepunova, T. (1940) Diskussiya ob egeyskoy kul'ture (Obsuzhdenie glavy dlya III toma “Vsemirnoy istorii”) [Discussion about the Aegean culture (Discussion of the chapter for the third volume of “World History”)]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 2. pp. 204–218.
17. Sergeev, V.S. (1939) *Istoriya drevney Gretsii* [The history of ancient Greece]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
18. Sergeev, V. (1939) *Egeyskiy mir* [The Aegean world]. *Istoricheskiy zhurnal*. 6. pp. 79–91.
19. Lur'e, S.Ya. (1957) *Yazyk i kul'tura mikenskoj Gretsii* [The language and culture of Mycenaean Greece]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Lentsman, Ya.A. (1963) *Rabstvo v mikenskoj i gomerovskoy Gretsii* [Slavery in Mycenaean and Homeric Greece]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
21. Sidorova, N.A. (1972) *Iskusstvo egeyskogo mira* [The art of the Aegean world]. Moscow: Iskusstvo.
22. Kallistov, D.P. & Utchenko, S.L. (eds) (1963) *Drevnyaya Gretsia. Kniga dlya chteniya* [Ancient Greece. A book for reading]. 3rd ed. Moscow: Uchpedgiz.
23. Kolobova, K.M. & Gluskina, L.M. (1958) *Ocherki istorii Drevney Gretsii: Posobie dlya uchitelya* [Essays on the history of ancient Greece: A manual for the teacher]. Leningrad: Uchpedgiz.

24. Nikol'skiy, N.M. (1934) K voprosu o rabstve na drevnem Vostoke (Po povodu stat'i V.V. Struve "Rabovladel'cheskaya latifundiya v Sumire III dinastii Ura" [On slavery in the ancient East (Regarding V.V. Struve's article "Slaveholding latifundia in Sumer of the 3rd dynasty of Ur"). *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. 7–8. pp. 207–210.
25. Nikol'skiy, N. (1934) K kakoy obshchestvenno-ekonomicheskoy formatsii prinadlezhit obshchestvo Drevnego Vostoka [What socio-economic structure does the society of the Ancient East belong to?]. *Istoriya v sredney shkole*. 2. pp. 3–11.
26. Evans, A. (1921) *The Palace of Minos. A Comparative Account of the Successive Stages of the Early Cretan Civilization as Illustrated by the Discoveries*. Vol. I: The Neolithic and Early and Middle Minoan Ages. London: Macmillan.
27. Kolobova, K.M. (1961) *Drevniy gorod Afiny i ego pamyatniki* [The ancient city Athens and its monuments]. Leningrad: Leningrad State University.
28. Krikh, S.B. (2016) V.V. Struve i Marrism. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*. 2 (4). pp. 46–72. (In Russian).
29. Bogaevskiy, B.L. (1931) *Rakoviny v raspisnoy keramike Kitaya, Krita i Tripol'ya* [Shells in painted ceramics of China, Crete and Tripoli]. Leningrad: GAIMK.

Received: 05 April 2018